

Самсонова Екатерина Максимовна

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ДИСТРИБУТИВНОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье представлен перечень частных значений дистрибутивной множественности, выделяемых в якутском языке. На основе функционального подхода и метода полевого структурирования подробно рассмотрены диверсативный, цислокативный, дисперсивный, амбулативный и квазидистрибутивный подтипы дистрибутивности, выявлен их план выражения и особенности функционирования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 162-165. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**ONOMATOPOETICAL VOCABULARY IN THE TATAR LANGUAGE
AND THE WAYS OF ITS TRANSLATION INTO THE RUSSIAN LANGUAGE
(BY THE MATERIAL OF THE NOVEL OF A. ABSALYAMOV "WHITE FLOWERS")**

Salakhova Ruzilya Rashitovna, Ph. D. in Philology
Kazan Federal University
ruzilya5@mail.ru

The article describes onomatopoeic vocabulary of the Tatar language and the ways of its translation into the Russian language. The significance of the study of the translation of the onomatops is conditioned by the necessity of an adequate transmission of the image information of the works of art into translating language. The results of this study give the opportunity to develop the theory of the descriptive motivation of a linguistic sign and its reflection in the vocabulary fund of the Tatar language.

Key words and phrases: onomatop; onomatopoeia; phonetically-imitating word; image-imitating word; descriptive vocabulary.

УДК 811.512.157'366.58

Филологические науки

В данной статье представлен перечень частных значений дистрибутивной множественности, выделяемых в якутском языке. На основе функционального подхода и метода полевого структурирования подробно рассмотрены диверсативный, циклокативный, дисперсивный, амбулативный и квазидистрибутивный подтипы дистрибутивности, выявлен их план выражения и особенности функционирования.

Ключевые слова и фразы: якутский язык; функционально-семантическая категория; глагольная множественность; дистрибутивная семантика; полевая структура; семантический подтип.

Самсонова Екатерина Максимовна, к. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук*
samsonova_em@mail.ru

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ДИСТРИБУТИВНОЙ
ГЛАГОЛЬНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ[©]**

Дистрибутивность представляет собой один из универсальных семантических типов глагольной множественности, находящийся на стыке двух категорий – аспектуальности и количественности. Внутреннюю сущность данной подкатегории, как отмечают исследователи, определяет «выражение расчлененности выполнения действий разными участниками ситуации или подчеркнутость полного охвата всех участников ситуации действием» [2, с. 240].

Исходя из определения, специфику понятия дистрибутивной множественности составляют две присущие ей семантические особенности. Первая из них заключается в том, что микроситуации, входящие в дистрибутивное множество, также совокупно составляют одну макроситуацию. Вторая особенность – в каждой из повторяющихся ситуаций в качестве одного из участников выступает отличный от предыдущего актанта или сирконстант, т.е. каждая элементарная ситуация повторяется с разным набором участников: «...одним и тем же актантом/сирконстантом каждой... ситуации является один из единичных представителей... совокупного актанта/сирконстанта» [13, с. 34].

Несмотря на то, что вопрос о семантической структуре дистрибутива до сих пор остается дискуссионным [2, с. 241], многие исследователи сходятся в выделении в нем нескольких эмпирически регулярных разновидностей, базирующихся как на дифференциации актантов, так и по пространственному параметру (В. Дресслер [14], А. В. Бондарко [9], В. С. Храковский [13] и др.): субъектный и объектный дистрибутивы, диверсатив, циклокатив, амбулатив, дисперсив и квазидистрибутив.

По мнению исследователей, дистрибутивная интерпретация возможна всегда, когда предикат имеет множественный аргумент [8, с. 125], т.е. обязательно подразумевается наличие в ситуации актантов, представленных группой лиц, предметов, пространств. При этом существенным для квантификационного значения является характер интерпретации актанта – «если группа трактуется как единое целое, то реализуется значение глагольной единичности, а если это сумма так или иначе индивидуализированных единиц или подчеркнута тотальность охвата группы, то выражается значение множества» [2, с. 243].

В тюркских языках высказывания с дистрибутивным значением характеризуются наличием подлежащего (субъектный дистрибутив) или прямого дополнения (объектный дистрибутив) в форме мн. числа и обстоятельств типа «друг за другом», «по очереди», «все». В качестве специализированного средства выражения дистрибутивного значения преимущественно используются аналитические конструкции со вспомогательными

глаголами. Аффиксальные репрезентанты представлены показателем взаимно-совместного залога, подчеркивающим множество участников ситуации или обозначающим распределенность совершаемого действия между несколькими субъектами [4, с. 117-120].

В якутском языке в качестве специальных средств выражения дистрибутивной множественности выступают формы многократности с аффиксами *-талаа*, *-таа*, *-аттаа* [6, с. 87], которые объединяются Л. Н. Харитоновым в отдельную группу с семантикой множественности (многообъектности или многосубъектности) действия [12, с. 29]. Решающее значение при этом приобретает количество актантов: в случае множественности субъекта реализуется субъектный дистрибутив, при множественности объекта и с переходными глаголами – объектный. Например: *Сахаар Охоноһойобус уонна да атын дьон эмиэ барыталаабыттар* [1, с. 276]. / Захар Афанасьевич, да и другие люди также поуходили (субъектный дистрибутив); *Наахара илимнэрин көрүтэлиһи сырытта* [Там же]. / Нахара проверял свои сети (одну за другой) (объектный дистрибутив).

Периферийные средства представлены как редуцированными деепричастиями, так и определенными лексемами, указывающими на последовательность повторяющихся действий: *...суруктар киипэлэрин ыла-ыла аһаҕас түннүгүнэн ууга элитэлиир* [3, с. 383]. / ...(он), хватая пачки писем, бросает их (по очереди) через открытое окно в воду (*здесь и далее перевод наш – Е. С.*) (объектный дистрибутив); *Комсомоллар тура-тура этитэлээтилэр* [5, с. 335]. / Комсомольцы, вскакивая (букв. вставая), заговорили (начали говорить) (субъектный дистрибутив); *Ол чугаһынаабы сулустар утуу-субуу умуллуталаан иһэллэр* [Там же, с. 295]. / Звезды, что рядом с ним, постепенно начинают угасать (субъектный дистрибутив); *Обонньор ыт оболорун биир-биир көтөбүтэлээн ылан түөһүгэр ыга кууһуталыыр* [Там же, с. 109]. / Старик одного за другим поднимает щенят и прижимает к груди (объектный дистрибутив) и т.п.

По пространственному параметру в якутском языке в перечень частных значений могут быть включены *диверсатив* (субъектный и объектный), *цислокатив* (субъектный и объектный), *амбулатив* и субъектный *дисперсив*.

Наибольшим спектром репрезентантов обладают взаимно противопоставленные значения диверсатива и цислокатива. *Диверсатив*, по определению исследователей, обозначает «движение совокупности участников в разные стороны относительно некоторой общей исходной точки», а *цислокатив* «описывает движение совокупности участников с разных сторон в некоторую общую конечную точку» [13, с. 40].

Для ситуаций движения в качестве основного репрезентанта выступает семантика глагола. В перечень *диверсативных* глаголов входят *тарҕас* / расходиться, *ыһылын* / разбросаться, раскидаться; *сырыс-* в знач. «разбежаться»; *түгэт* / делить, распределять; *тарҕат* / раздавать; распускать, разгонять; *ыс-* / разбрасывать, раскидывать; *тамнаа-* в знач. «разбрасывать что-либо»; *үлэр-* / делить, разделять (*ыладьыттар тарҕастылар* / гости разошлись; *кыһыран малларын тамныыр* / от злости раскидывает свои вещи; *старшина халын телогрейка үлэрэн үлэннэтэр* [11, с. 5] / старшина поспешно раздает телогрейки и т.п.), а *цислокативных* – *муһун-*, *мунньуһун-* «собираться с кем-л. где-л.», *түмүс-* «собираться (в одном месте)», *үмүөрүс-* «скучиваться, сбиваться в кучу, толпиться»; *мус-* в знач. «собирать кого-что-л. в одном месте», *хомуй-* в знач. «собирать», *түм-* в знач. «собирать, сосредоточивать» (*дьон мунньахха муһунна* «люди пришли на собрание»; *дьоннор миитингэ түмсүбүттэр* «люди собрались на митинг»; *баары-суоһу барытын мунньан... солуччааха салааттаатылар* [5, с. 29] / собрав все, что осталось, ...приготовили в котелке саламат и т.п.).

Среди диверсативных глаголов наибольшей функциональностью обладает лексема *тарҕас* «расходиться», которая может выражать значение диверсатива самостоятельно, тогда как остальные глаголы более контекстуально зависимы и требуют наличия дополнительных лексических средств. Например, *кэл-* «приходить, прибывать; достигать кого-чего-л.», *тиий-* «добираться до кого-чего-л.; доходить», *хаай-* «загонять кого-л. куда-л.», *сим-* «запихивать, заталкивать, загонять кого-что-л. куда-л.», *ук-* «вкладывать куда-л.». Например: *сүөһүнү хааччааха хаай* «загнать скот в загон»; *улахан хоско дьону толору симмиттэр* «людей всех собрали в большой комнате» и т.д.

В зависимости от участвующих в действии актантов данные значения подразделяются на субъектные и объектные подтипы. В якутском языке план выражения диверсатива не отличается однородностью: объектный диверсатив характеризуется наличием грамматических средств выражения – глагольных форм с аффиксами многократности (*биэртэлээ* / раздавать от *биэр* / давать, отдавать; *үүртэлээ* / *повыгонять* от *үүр-* / *гнать*, *выгонять*, *прогонять*; *ыталаа* / *поотпускать*, *поотправлять* от *ыт-* / *пускать*, *отпускать*; *таһаартаа* / *повыпускать* от *таһаар-* / *отпускать*, *выпускать*); тогда как в субъектном диверсативе не менее важную роль играют наречия, обозначающие направления движения в разные стороны (*үрүө-тараа* / в разные стороны, туда-сюда, *араа-тараа* / там и сям, тут и там, *арҕам-тарҕам* / там-сям, туда-сюда, в разные стороны, враспынную, *онно-манна* / то тут, то там, *хоту-собуруу* / букв. на север, на юг, т.е. в разные стороны), которые могут придавать значение диверсатива не только специальным предикатам, но и остальным глаголам движения. Например: *оболор үрүө-тараа сырыстылар* / дети разбежались в разные стороны; *салааттар өр-өтөр гымматылар, барытын түгэттэн бүтэрэн үрүө-тараа тарҕастылар* [11, с. 6]. / Быстро все поделив между собой, солдаты разошлись; *Ол икки ардыгар дьон балык арааһын бүтэрэн, арҕам-тарҕам барбыттар* [10, с. 548]. / В это время народ, покончив с разнообразием рыбы, разбрелся. В некоторых случаях подобное обстоятельство может являться единственным показателем указанного значения.

Анализ материала показал, что кроме специализированных глагольных основ субъектный цислокатив обладает грамматическим (аффикс многократности *-талаа* (*кэлитэлээ* / *поприходить*)) и лексическим репрезентантами (локативные указатели, выражающие исходный пункт движения, – лексеммы со значением «с разных сторон» (*онтон-мантан* / отовсюду, оттуда-отсюда, *хотуттан-собурууттан* букв. «с севера –

с юга, т.е. отовсюду, с разных сторон» и т.п.)). Например: *Сэриштэн күрэнэн Саха сиригэр араас ынырык кыылар, дьулаан көтөрдөр кэлитэлээбиттэр* [5, с. 182]. / Убегая от войны, в Якутию стали прибывать различные диковинные ужасные звери, страшные птицы; *Обонньор төннүбүтүн, отчуттар онтон-мантан сырсан кэлэн төгүрүйэ көтөллөр* [Там же, с. 86]. / Когда старик вернулся, со всех сторон сбежались сенокосчики и окружили его. Среди контекстуальных средств устойчивые сочетания с цислокативными глаголами может образовывать наречие *саба* / вплотную: *Обонньор айхаллы тоһуйар, оҕолор саба сырсан тийэйллэр* [Там же, с. 101]. / Старик их радостно приветствует, а дети сбегаются к нему отовсюду.

Объектный цислокатив в якутском языке отличается наличием сочетаний с глаголом *ыл-* (*хомуян ыл* / собрать, *үүрэн ыл* / согнать) и обязательного компонента – лексемы *барытын* / все, всех. Например: *Дьиэлээх киһи быһытынан «хоһоһолорун» сэптэрин-сэбиргэлэрин барытын хомуян ылан, «уурдаран» кэбиспит* [Там же, с. 301]. / Как хозяин, он собрал оружие своих «постояльцев» и унес подальше; *Баайдарын барытын үүрэн ылан баран бэйэлэрин...* [Там же, с. 208]. / Согнав все их богатство (табуны и стада), их самих нужно...

Амбулатив, по определению В. С. Храковского, описывает последовательное движение «через ряд единичных пунктов пространства, которые в сумме составляют некоторый совокупный локативный акт» [13, с. 40]. Как и для остальных ситуаций движения, в качестве его основного репрезентанта выступает семантика глагола. К амбулативным глаголам относятся *аас-* «миновать, проходить», *туораа-* «переходить», *кэрий-* «обходить (много мест)»: *Хас да хонуктаах сылаалаах айанга бэрт элбэх киэн алаастары, халын систэри туораатылар* [5, с. 313]. / За несколько дней изнурительного пути они перешли через множество просторных аласов и лесных возвышенностей; *Чүөчээски күрээтэҕин күн быһытын туох баарын барытын кэрийдэ* [7, с. 122]. / В день своего побега Чечэски обошел все плотины.

В якутском языке ряд единичных пунктов амбулатива может быть выражен не только множественным существительным (*үрүйэлэри* / речки, *аата-ахсаана биллибэт алаастары* / бесчисленное количество аласов, *бэрт элбэх ыскаамыйалары* / множество скамеек), но и конструкциями, состоящими из имени существительного в исходном падеже и имени существительного в дательном падеже: *уулуссаттан уулуссаба туораталаан* / переходя с улицы на улицу; *лабааттан лабааба ойуолуур* / прыгая с ветки на ветку и т.п. Аффиксы многократности, присоединяемые к амбулативным глаголам, усиливают данное значение. Для подчеркивания всеобщего охвата указанные средства сопровождаются собирательным местоимением *барыта* / все: *Чугас алаастары барытын кэрийин!* [5, с. 297]. / Осмотрите все ближайшие аласы! В некоторых случаях сочетаются с лексическими средствами *биир-биир* / один за другим, *утуу-субуу* / друг за другом, *дөрүн-дөрүн* / изредка, временами, выражающими интервал и последовательность выполнения повторяющихся действий: *От тизэйэр суолларын, ойбон суолларын дөрүн-дөрүн ааһыталыыр* [Там же, с. 255]. / По пути время от времени проезжает дороги, ведущие к проруби или по которым возят сено.

Совмещение с пространственным параметром может наблюдаться и в **субъектном дисперсиве**, обозначающем одновременное или последовательное осуществление одинаковых ситуаций в разных местах (частях) некоторого протяженного в пространстве объекта. В качестве ядерных репрезентантов данного значения выступают лексические средства, указывающие на то, что одинаковые ситуации происходят в нескольких местах (*онон-манан* / то тут, то там, *хас да сиринэн* / в нескольких местах) с обязательным указанием объекта в основном или дательном падеже (*тириитэ* / кожа его, *хонууга* / на поляне и т.п.): *(Ынах) тириитэ хас да сиринэн дьуккуруйан хаан оҕуолаабыт...* [Там же, с. 197]. / Кожа коровы в нескольких местах была разорвана и оттуда сочилась кровь. В некоторых случаях данный семантический тип обладает грамматическим показателем – аффиксами многократности *-талаа*, *-таа*. Например: *Алаастарга халаан уута күлүмнүү тэлгэнэн хаалталаабыт* [Там же, с. 249]. / На аласах то тут, то там остались следы весеннего половодья и т.п.

Кроме вышеуказанных разновидностей дистрибутивного значения, на наш взгляд, в якутском языке встречаются случаи выражения **квазидистрибутива**. В основном напрямую зависит от характеристики объекта:

1) если это имена, не поддающиеся подсчету по единицам, то действие осуществляется в несколько приемов (при каждом приеме затрагивает некоторую часть объекта, в результате чего охватывает полностью весь объект): *бытыгыттан муустаах кырыаны сыыйыта тардан илгитэлээтэ* [Там же, с. 259] / по частям снимал с усов иней и бросал (в результате – снял весь иней); *издьэгэй бытархайын сотон ылан ууга быраҕаттаата* [Там же, с. 148] / побросала в воду кусочки творога, оставшиеся на дне туюка (в результате – выскребла все). В данном случае на то, что действие осуществляется в несколько приемов, указывает лишь форма многократности. Ср.: *бырах* / бросить – *быраҕаттаа* / побросать;

2) если объекты являются протяженными в пространстве, продолговатыми, то повторяющиеся действия совершаются над частями, образованными в результате предыдущего действия, но все вместе – над одним общим объектом: *эти быс, кырбаа* / резать, нарезать мясо (на кусочки, затем полученные кусочки еще раз нарезать), *маһы хайыт* / расколи полено (расколеть надвое, потом получившуюся половинку еще раз расколеть) и т.п. В основном выражаются семантикой глаголов разделения или повреждения. В некоторых случаях используется дополнительное лексическое средство: *быаны хас да хос гына бүк тутта* [Там же, с. 197] / несколько раз сложил веревку. Могут употребляться формы с аффиксами многократности: *тоһуталаа* / *наломать от тоһут* / сломать, переломить, *бысталаа* / порезать, нарезать от *быс* / резать, *хайыталаа* / наколоть; порвать от *хайыт* / расколеть; разорвать и т.д.

Таким образом, на материале якутского языка план содержания дистрибутивной множественности может быть представлен такими ее разновидностями, как диверсатив, цислокатив, амбулатив, дисперсив и квазидистрибутив. При этом функционирование их репрезентантов напрямую зависит от характеристики актантов, лексического значения глаголов либо дополнительных лексических средств.

Список литературы

1. **Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология.** М.: Наука, 1982. 496 с.
2. **Долинина И. Б.** Количественность в сфере предикатов // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / под ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 219-245.
3. **Золотарев Н. Г. – Якутский.** Төлкө (Судьба). Якутск: Кн. изд-во, 1988. 704 с.
4. **Исхакова Ф. Х., Насилов Д. М., Рассадин В. И.** Выражение множественности ситуаций в тюркских языках // Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989. С. 110-122.
5. **Мординов Н. Е. – Амма Аччыгыя.** Сааскы кэм (Весенняя пора). Якутск: Бичик, 1994. 360 с.
6. **Самсонова Е. М.** Специфика репрезентации дистрибутивной множественности в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2014. № 2 (9). С. 85-93.
7. **Сивцев Д. К. – Суорун Омоллоон.** Айымньылар (Сочинения): в 2-х т. Якутск: Бичик, 1996. Т. 2. 704 с.
8. **Татевосов С. Г.** Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 108-139.
9. **Теория функциональной грамматики.** Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / под ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. 347 с.
10. **Толковый словарь якутского языка** / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск, Наука, 2005. Т. I (Буква А). 680 с.
11. **Федоров П. П. – Сомою.** Ол, ынгырап тырымнас уоттар (Неугасимый свет манящих огней). Якутск: Бичик, 1999. 112 с.
12. **Харитонов Л. Н.** Формы глагольного вида в якутском языке. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 179 с.
13. **Храковский В. С.** Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989. С. 5-53.
14. **Dressler W.** Studien zur verbalen Pluralität, Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allemeinen Grammatic, im Lateinischen und Hethitischen. Wien: Bohlaus Nachf., 1968. 253 s.

**SEMANTIC STRUCTURE OF THE DISTRIBUTIONAL
VERBAL PLURALITY IN THE YAKUT LANGUAGE**

Samsonova Ekaterina Maksimovna, Ph. D. in Philology
*Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples
of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*
samsonova_em@mail.ru

The article presents a list of the individual meanings of distributional plurality identified in the Yakut language. On the basis of functional approach and method of field structuring the author analyzes in detail the diversative, cyclocative, dispersive, ambulative and quasi-distributional subtypes of distributivity, identifies their plane of expression and specifics of functioning.

Key words and phrases: Yakut language; functional and semantic category; verbal plurality; distributional semantics; field structure; semantic subtype.

УДК 82.01/.09

Филологические науки

В статье дается краткая характеристика отечественной системы образования на рубеже XIX-XX веков, которая рассматривается как источник формирования образной системы русского модернизма. Существенным представляется также вопрос об определении кругозора и эрудиции тех читателей, слушателей и зрителей, которым в первую очередь были адресованы произведения авторов Серебряного века.

Ключевые слова и фразы: русский модернизм; источники творчества; формирование мировоззрения; система образования; университетские лекции; Московский университет.

Скороходов Максим Владимирович, к. филол. н.

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук
mksk2002@rambler.ru

**УНИВЕРСИТЕТСКИЕ КУРСЫ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ
КАК ИСТОЧНИК ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО МОДЕРНИЗМА[©]**

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-02709) и в ИМЛИ РАН.

Система образования и чтение – две важные составляющие, оказывающие существенное влияние на формирование творческой личности, мировоззрения человека, его ориентиры, особенности образной системы. Эти аспекты, к сожалению, крайне редко становятся объектом исследования. Для того чтобы понять это, достаточно обратиться к довольно многочисленным летописям жизни и творчества писателей и деятелей